

16. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической философии) / Н.А. Бердяев. – Париж : Умса-press, 1939. – 222 с.
17. Бердяев Н.А. Христианство и революция / Н.А. Бердяев // Новый град. – Париж, 1937. – Вып. № 12. – С. 48 – 62.
18. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря / Н.А. Бердяев. – Париж: Умса-press, 1951. – 165 с.

М.А. Волосатова (Луганський національний університет імені Тараса Шевченка).
Еволюція концепцій праці та власності в філософії М. О. Бердяєва

Стаття присвячена виявленню особливостей філософських поглядів М. О. Бердяєва на проблему праці та власності в їх зміні та розвитку. Дані концепції розглянуті в контексті критики філософом соціалізму і капіталізму. Розкриваються релігійні та духовні основи праці і власності, творчий характер праці та його якісна ієрархія.

Ключові слова: *праця, господарство, власність, соціалізм, капіталізм*

М.А. Volosatova (Lugansk National Taras Shevchenko University). ***The evolution of the concept of work and property in N. A. Berdyaev's philosophy***

The article is concerned with revelation of specialty of philosophical view of N.A. Berdyaev to a question of work and property during their changes and development. Actual conceptions are put in context of comment of socialism and capitalism by Berdyaev.

Was revealed that at Berdyaev's oeuvre of effort and property conception suffers noticeable change and development. Initially, work has not creative nature, regarded as an adaptation to human need. As to the problem of ownership, the property dehumanize and oppress personality as well as capitalism as socialism. However, the question is about the spiritual basis of the property, and thus a connection between man and nature is achieved and discarded solely consumer attitude. Berdyaev speaks of a new world, which will be converted to spiritual principles. According to the philosopher, out of the current crisis is a spiritual revolution, the new psychology of labor and economic psychology. Berdyaev believes that the future of society should be a theocracy, where the work will be blessed and consecrated.

Key words: *effort, household, property, socialism, capitalism*

УДК 008.2:167.5:316.733

А.В. ГИЖА (к. филос. н., доц.)

Донецкий национальный технический университет

andry@vnet.dn.ua

Н. БЕРДЯЕВ: САМОГИПНОЗ ИНТЕЛЛИГЕНТСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена анализу творчества Николая Бердяева в контексте его первой работы в эмиграции «Новое средневековье». Рассматриваются стилистически-смысловые особенности характерного для нее дискурса. Показана неоднозначность и спорность утверждаемых возможностей выхода из общеевропейского кризиса того времени, коренящиеся, прежде всего, в явной недостаточности должной логически корректной обработки вводимых декларативных посылок. Утверждаемый вид дискурса назван интеллигентским. Его принципиально неистинностная интенциональность распространена и в современном общественном сознании.

Ключевые слова: *метафизический переворот, истинностное мышление, аксиоматичность, квазидуховность, своеволие.*

Творчество Николая Бердяева не было обойдено вниманием ни при его жизни, ни в последующие десятилетия. В особенности активно проходит исследование его наследия последние 20 лет. В 1994 г. была издана антология текстов известных русских философов,

анализирующих работы Н. Бердяева [3]. Есть и различные диссертационные исследования бердяевского творчества в компаративистской перспективе (см., напр., [5]). Тем не менее, широта и масштабность поднятых им вопросов, специфика ответов на них, лежащая в русле религиозно-экзистенциального персонализма, подчеркнутый идеализм бердяевской методологии, оппозиция сложившемуся научно-диалектическому познанию, марксистской традиции в целом – все это предполагает актуальность позиции Бердяева и интерес к ней как одной из существенных сторон в отечественном культурно-историческом философском полилоге.

Здесь не должно быть место некоему априорному славословию, выражающемуся, например, в том, что позиция, противоположная доминирующей в советское время марксистской идеологии, должна приниматься вне ее действительных философских достижений. Поскольку любой мыслитель есть не только выразитель путей самопознания мирового логоса, но и обычный человек с повседневными нуждами, желаниями и мотивами, то мы нередко наблюдаем в периоды социальных потрясений некий синкретизм частных и сиюминутных, поспешных высказываний и действительно основательных суждений. Дальнейший ход истории все расставляет все на свои места и позволяет дать более или менее взвешенную оценку достигнутому в практической ретроспективе, сводящей к минимуму субъективную произвольность и злободневную пристрастность суждений современников.

Николай Бердяев прошел настолько длинный и сложный путь личностных испытаний, что насыщенность пережитых событий оказывается явно чрезмерной для отдельного индивида: «Для философа было слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей Родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании» [1, с. 9]. При такой интенсивности исторической турбулентности, тем не менее, философ делает обобщающий ретроспективный вывод о существующей поддержке осмысленного участия в ней, такого, которое не дает угаснуть раньше времени индивидуальной экзистенции. Он свидетельствует об этом так: «Из испытаний, которые мне пришлось пережить, я вынес веру, что меня хранила Высшая Сила и не допускала погибнуть. Эпохи, столь наполненные событиями и изменениями, принято считать интересными и значительными, но это же эпохи несчастные и страдальческие для отдельных людей, для целых поколений. История не щадит человеческой личности и даже не замечает её» [там же].

В этом свидетельстве хорошо видна ощущаемая противоречивость исторического процесса. С одной стороны, его хранит «Высшая Сила», а с другой – столь же настойчиво «история не щадит человеческой личности». Этот экзистенциальный разрыв философ, в отличие от других людей, обязан не просто бессильно переживать в превратностях собственной судьбы, пытаясь обустроить пространство личного существования, но он должен встать над ним, отстраниться так, чтобы суметь истинно его помыслить. Такого рода события, при всей их масштабной трагичности, составляют бесценный пласт внутреннего опыта, дающий возможность в колоссальных масштабах борьбы пришедших в историческое движение тектонических общественных сил, увидеть и прозреть судьбы мира в их грядущей перспективности, либо, напротив, раскрыв их безысходную и фатальную завершенность.

Долг мыслителя в такой ситуации заключается в развертывании истинностного осознания исторических сдвигов, удерживая себя в положении вне захвата навязываемой тематики своих частных, биографических особенностей и своей отдельной судьбы. Гегель подчеркивает это следующими словами: «Когда я мыслю, я отказываюсь от моей субъективной особенности, углубляюсь в предмет, предоставляю мышлению действовать самостоятельно, и я мыслю плохо, если добавляю что-либо от себя [4, с. 124].

Реально, безусловно, это методологическое правило выполняется лишь отчасти, приблизительно и неформально. Это не инструктивное предписание, поскольку историко-культурное бытие, так или иначе, персоналистично и экзистенциально, и далеко не просто ответить на вопрос: где начинается *мое* мышление, и, следовательно, я движусь в поле ис-

тинностного бытия, и где заканчивается мое «от себя», которое суть затухающее и ничтожное частное, не истинное. При этом всякая объективация, т.е. попытка мыслить по отработанному и, казалось бы, надежному научному канону, вносит в концептуальное построение и описание деформирующую формалистическую абстрактность, закладывая опасность грядущего догматизма прочтения и потери живого смысла авторского понимания. Вместе с тем, мы знаем гегелевский ответ на подобную ситуацию, говорящий о конкретности понятийной абстракции, изначально не теряющей внутреннего единства единичного, особенно и всеобщего: «Понятие как таковое содержит в себе: 1) момент всеобщности..., 2) момент особенности..., и 3) момент единичности... Каждый момент понятия сам есть целое понятие» [там же, с. 345]. Эти простые гегелевские констатации следует помнить самым непосредственным и обязательным образом, без уверток и ненужных оговорок.

Хотя Бердяев не является последователем Гегеля, напротив, его сфера интересов – это экзистенциальная персоналистика, но методология рациональной мысли, развитая в «Науке логики», столь же незыблема для истинно мыслящего, как аксиоматический метод евклидовой геометрии для математика.

В соответствии с выделенным неформализованным правилом истинностного осознания – о внутренней демаркации себя от себя же, которое должным образом понимается лишь теми, кто имеет опыт его реального переживания, рассмотрим некоторые положения первой книги Бердяева, написанной в эмиграции, в 1923 году. Это работа с характерным названием «Новое средневековье».

Сейчас, спустя 90 лет после выхода книги из печати (1924 г.), ее основная цель – «в этом этюде я пытаюсь наметить возможные пути выхода из мирового кризиса» [2, Предисл.] – столь же актуальна и животрепещуща. Более того, сходство задач и масштабов философского общественно-исторического осмысления с интервалом почти в сто лет демонстрирует внутреннюю, структурно-семантическую корреляцию эпох, их изоморфизм, существенное, в определенном отношении, подобие.

Одной из объективных характеристик такого положения дел, кризисной регулярности событий, является достоверность марксистского положения о примате общественно-политической реальности над идеальной стороной жизни, практической деятельности над отвлеченной теоретизацией мыслителей. Однако столь же наглядно демонстрируется практическая значимость действенной теории, системы взглядов, концептуально оформленной и развернутой не в отвлеченной терминологии философского языка, а в предметно-наглядном изложении, т.е. в политико-идеологической форме. В конечном итоге, такая теоретизация есть непосредственный элемент складывающейся практики, ее высказывающий и утверждающий логос, ее одушевленность и жизненность.

Но всякая жизненность, не получая импульсов развития, неизбежно приходит в упадок и постепенно угасает, превращается, если говорить о живой теории, в сборник ритуальных текстов. А поле реального диалога занимают академические турниры схоластических умствований и практика философской экзегетики. При этом философия вырождается по своим семантическим параметрам до идеологической формы суждений с превалированием фиксированных оценочных констатаций. Об опасности последних предупреждает Бердяев, говоря в Предисловии, что «Мысли мои будут поняты верно, если они будут поняты динамически. Всякое статическое их понимание всегда будет ложно. Меня интересуют судьбы человеческих обществ в движении» [там же].

В первых же строках Бердяев проводит необходимую операцию сущностного именованья рождающегося нового мира, в процессе становления которого, как он отмечает, совершенно перепутались доселе ясные определения «революционности» и «реакционности» и потому требуется покинуть область их определений и начать говорить иным терминологическим и понятийным языком.

Искомое обозначение фиксируется так: «Эпоху нашу я условно обозначаю как конец новой истории и начало *нового средневековья*» [там же, с. 408]. Мыслитель делает важное методологическое замечание, касающееся правильности истолкования его мыслей:

«...существо моей мысли в том и заключается, что все категории мысли новой истории, все ее направления кончены и начинается мышление иного мира, мира нового средневековья» [там же, с. 408-409].

Это очень сильная программа заявленного метафизического переворота, которая в чистом виде, в форме тотального разрыва с предыдущей традицией не реализовывалась никогда. Она не осуществлена ни Кантом, ни Гегелем, ни Ницше, ни Марксом. Вообще возникают обоснованные подозрения относительно принципиальной возможности полного отказа от исторически сложившихся традиций рационалистически-категориальной мысли и возобновления их на некоей *иной* основе, так, что смысловые связи последующего с предыдущим были бы пресечены. Предполагая наличность этой *иной* основы, мы неизбежно встанем перед вопросом о ее генезисе и опять-таки неизбежно вновь войдем в поле трансформирующегося поля существующих традиций. Возможно, что достигаемая радикальность обновления традиции связана именно с этим качеством, выраженном в обороте «вновь». Умение войти вновь, а не рутинно и школьно повторить сказанное, и дает чаемое новое мышление, и обозначает очередной коперниканский философский поворот.

Заметим, что существующая матрица философского понимания предполагает достижимость семантически бесконечного обобщения и показывает это в реальном *конечном* текстовом оформлении. Это означает, что в ее рамках осуществляется продуктивное истинностное мышление, причем не путем некоего постепенного *приближения* к рационалистической истине, а с самого начала зарождения философского знания в милетской школе. Подлинная проблемность философского предписывающего знания совершенно не в трудностях постижения истины бытия – они преодолимы, а в ее конкретизирующем продолжении в сферу практического действия. Последнее делается систематически плохо, частично или вообще игнорируется. Представляется, что здесь, в этой связующей точке и происходит необходимый переход мысли на уровень действительной конкретики, и ее смысловая содержательность перестает быть только мыслимой, отвлеченной, оторванной от жизни, она становится мыслью действующей, направляющей и предметно-конкретной.

После необходимой методологической преамбулы Бердяев отмечает путь простых оценочных суждений, основанных на психологии бытового восприятия. При этом сразу пускается в поэтически-метафорические отступления относительно «дневных» и «ночных покровов» с обильным цитированием Тютчева. Замечательный философский поэт, однако, здесь как раз крайне психологичен, его описание внутреннего состояния человека как «сироты бездомного» оставляет нас в русле проникновенного внутреннего монолога стояния «немошного и голого человека» пред бездной бытия. Метафорическая диалектика дня и ночи, тем не менее, слишком туманна и содержательно неопределенна, она только фиксирует *невыразимое*, не достигая и не ставя вообще своей целью осознание полученного внутреннего опыта прикосновения к бесконечности мира. Начинается соскальзывание в поток интеллигентского расплывчатого дискурса, долженствующего раскрывать дополнительные обстоятельства поставленной темы, но в реальности теряющего понятийную логику. В ситуации соскальзывания в превалирующую метафоричность и эстетические красоты стиля возможно самогипнотическое воздействие на мысль и она остается в состоянии вращения во внепонятийном круге поэзиса.

Однако этот упрек Бердяеву мы сами отчасти и нивелируем тем соображением, что подобного рода поэтизации имеют собственной целью не выражение и развитие рационального взгляда, а создание условий его необходимой смысловой фокусировки путем выделения инспирирующего ассоциативно-коннотативного ряда образных сравнений. Но эта нивелировка проходит именно отчасти, поскольку поэтизация, будучи привлеченной чрезмерно, в состоянии утопить любую рациональность и категориальную ясность понимания.

Средневековье, по Бердяеву, означает специфическое «ночное» качество, имеющее онтологический смысл как «переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхнационализму средневекового типа» [там же, с. 411]. Следует ли трактовать логическую связку «или» как «и то, и другое», либо же как альтернативу? Неясно, пояснений сразу

по тексту нет. Во всяком случае, как одно, так и другое определение не кажется слишком удачным. История, во всяком случае, не иррациональна. Она лишь представляется таковой как раз вследствие окончания действия прежнего типа общественного понимания, т.е. такого фактора, который Бердяев уже выделил и предупредил о неверности продолжения старого понятийного ряда. Где же здесь место иррационализму? Разве что в насильственном сломе прежних форм жизни и полной неясности перспектив. Но это было теми перипетиями частного существования, о которых было сказано в самом начале как о моментах, требующих философского преодоления. В переломную эпоху работает логика социальной и классовой борьбы, логика гражданского противостояния, и это именно определенная последовательность массовых действий, имеющая осознанную мотивировку и, если не развернутую программу действий на далекую перспективу, то вполне выработанную практику текущего целеполагания. Иными словами, собственно иррационализм в философском понимании, а не в его панически-бытовом именном корреляте, здесь углядеть сложно.

На данном этапе не слишком понятным остается и выделение сверхнационализма, тем более, средневекового типа. Если имеется в виду крайняя степень национализма, шовинизм, или, тем более, фашизм (германский нацизм), то такого рода эксцессы во время написания «Нового средневековья» были характерны вовсе не для Советского Союза и их обобщение как имманентной черты нового миропорядка не имеет достаточных оснований. Если же под средневековым типом сверхнационализма понимать разобщение государства на отдельные земли или иные какие-либо самостоятельные территориальные единицы, представив движущимся вспять процесс собирания земель и преодоление своеволия феодалов, то такая инверсия также лишена правдоподобия и ее введение должно сопровождаться серьезными оговорками.

Бердяев полагает, что переживаемый период отстранения привычных категорий приведет к тому, что «скоро слова получат свой подлинный онтологический смысл. Скоро для всех будет поставлен вопрос о том, "прогрессивен" ли "прогресс" и не был ли он часто довольно мрачной "реакцией", реакцией против смысла мира, против подлинных основ жизни» [там же, с. 412]. Слова, вообще говоря, получают свой смысл вследствие кропотливой и основательной философской работы. Требование же или ожидание спонтанного приобщения к онтологии ведет лишь к такой задержке события, которая будет длиться вечно.

Не следует пророчествовать тем, кто не является библейским персонажем. Почему вопрос будет поставлен «скоро», почему не сейчас, в данный момент – если он осознан и его необходимость стала для философа очевидностью. Что же мешает задать его именно в данный, текущий и, между прочим, единственно *реальный* момент времени? Если мыслителю просто недосуг и у него есть иной круг проблем и более интересных тем, то к чему вообще данное упоминание? Всякие «скоро» здесь вырождаются из преддверия в банальный оборот ни к чему не обязывающей интеллигентской речи.

Свое представление о движении истории как возвратно-поступательном, когда новое начинается в ракурсе определенным образом восстановленного прошлого, Бердяев иллюстрирует эпохой Ренессанса, служащей духовным основанием не только гуманизма, но и буржуазных производственных отношений. Действительно, атмосфера восстановления античных духовных скреп, как они представлялись в XIII-XV вв., активное переоткрытие античной культуры являлось существенной и характерной чертой ренессансной эпохи. Но можно ли обобщать этот факт на всю историю, делать его универсально-структурным, так, что исток последующей стадии общественно-политического развития должен трактоваться как находящийся даже не в историческом вчера, а в *позавчера*? Каковы основания для этого? Не является ли такой подход действием по шаблону прошлого, не подкрепленного достаточным образом соображениями экономического, политического и логико-смыслового порядка?

Во всяком случае, Бердяев определенно говорит о провозвестии нового средневековья как о свершившемся факте, хотя и располагает его в будущем: «В новое средневековье войдет опыт свободы, пережитый в новой истории, и все положительные завоевания совести и

большая утонченность души» [там же, с. 414]. Опять-таки, здесь мы видим упование, пророчества, надежды - причем все это дается без тени сомнения - но никак не философскую работу самособирающейся и самокритичной мысли. Но разве всякого рода утверждения будущего рода в устах философа не являются только результатом анализа существующего и предшествующего состояния дел и укоренения этого состояния в контексте более широкого круга событий с последующим выделением наиболее обоснованной логики его развития?

Пока что нам непонятно, почему вдруг «большая утонченность души» и «положительные завоевания совести» вместе с «опытом свободы» должны войти в новое средневековье? Почему вообще должно говорить именно о средневековье? В чем и у кого проявляется «духовная утонченность»: у пролетариата, буржуазии, крестьянства, священнослужителей, интеллигенции? В чем заключается, наконец, указанный опыт свободы, представленный у Бердяева неразрушимой целостностью, и каким образом он может быть без потерь транслирован в будущее? Учитывая при этом то несомненное обстоятельство, что до сих пор в истории такие кумулятивные трансляции не удавались ни разу...

Постулативно Бердяев поясняет происходящее так: «...сейчас исторический мир переживает великую революцию, не коммунистическую революцию, которая в глубине своей совершенно "реакционная" и есть лишь гниение разложившихся элементов старого мира, а революцию духа. Призыв к новому средневековью в нашу эпоху и есть призыв к революции духа, к новому сознанию» [там же].

Вопрос к Бердяеву, в связи с этим фрагментом, следующий: чем обусловлена утверждаемая им «революция духа», в чем выражается эта духовная революционность, и почему «коммунистическая революция» есть элемент старого мира? Если последнее верно, то революция 1917 года не ведет к общенародной собственности, а закрепляет капиталистическую частнособственническую эксплуатацию, не освобождает народы, а усиливает их угнетение, не нацелена на противодействие империализму, а поддерживает империалистическую систему, не призывает к борьбе против угнетателей, а подавляет сопротивление им и т.д.

Спустя несколько страниц Бердяев подчеркивает момент принадлежности октябрьской революции, как он считает, целиком и полностью прежней системе власти: «Социализм есть лишь дальнейшее развитие индустриально-капиталистической системы, лишь окончательное торжество заложенных в ней начал и всеобщее их распространение» [там же, с. 422].

Мы, зная дальнейшее развитие исторических событий, роль и направленность действий СССР на мировой арене, видим безусловный и принципиальный просчет Бердяева в понимании им и революции, и возможного выхода в виде ренессанса средних веков.

Бердяевская апелляция к средневековью обусловлена его личностной аксиоматически принятой предпочтительностью религиозного типа существования перед индустриальным развитием, теократической формы иерархической власти перед демократическим светским парламентаризмом. Данная интенция носит неисторический и волюнтаристский характер, не рефлексирована и не имеет объективных политических, правовых и социально-экономических оснований. Средневековый настрой Бердяева выражает лишь его частное и весьма утрированное предпочтение, придавая для убедительности субъективистски произвольным декларациям форму фатальных кассандровских пророчеств.

Его тяга к идеальному типу средневековья выражена местами в экзальтированном стиле Августина Блаженного: «Бог должен вновь стать центром всей нашей жизни, нашей мысли, нашего чувства, единственной мечтой нашей, единственной нашей надеждой и упованием» [там же, с. 429]. Однако, если во времена Августина искомая эпоха расстилалась в волнующих и неясных перспективах будущей христианизации Европы, то для Бердяева все это стародавнее далеко, истлевшее не только материально, но и полностью переродившееся духовно в тигле капиталистической формы эксплуатации, неожиданно приобретает значе-

ние будущего, о котором можно грезить в полном отрыве от жестокой окружающей безблагодатной реальности и жаждать реализации этих мечтаний.

Такое мирозерцание сходно с древним мифологизированным представлением о золотом веке, бывшем во время оно, и железным веком нынешним. Бердяев видит средние века именно в идеализированном образе, прекрасно понимая при этом специфику реальной средневековой жизни. Тем не менее, он постоянно смешивает эти два несовместимых плана, утверждая несуществующую духовную центрацию средних веков: «Духовным центром в грядущую эпоху может быть только Церковь, как в средние века [там же, с. 430].

Вместе с тем, Церковь как институциональное образование мало того, что существенно неоднородна по своим конфессиональным признакам – уже поэтому она не в состоянии играть историческую роль глобального объединяющего человекосберегающего ресурса, она, вдобавок, размыта многочисленными новомодными течениями квазидуховного рода. Так, сам Бердяев видит теософию как явную норму религиозной жизни нового мира: «Для наступления нового средневековья характерно также распространение теософических учений, вкус к оккультным наукам, возрождение магии» [там же, с. 437]. Однако теософия и оккультизм не являются «развитием» православия и находятся с ним в прямом противоречии.

В своем стремлении нивелировать и преодолеть ненавидимую современную эпоху, Бердяев столь основательно устремляется в глубокое прошлое, идеализируя и превознося его, что промахивается мимо собственно средневековья и попадает в языческую эру. Он пишет: «Сама наука возвращается к своим магическим истокам, и скоро окончательно выявится магический характер техники. Религия и знание вновь приходят в соприкосновение, и рождается потребность в религиозном гнозисе. Мы опять вступаем в атмосферу чудесного, столь чуждую новой истории, опять возможна станут белая и черная магии» [там же].

В этих упованиях демонстрируется полное непонимание гуманитарием сути науки и техники как феноменов именно новоевропейского времени, незнание им генезиса этих явлений, логики и методологии естественнонаучной формы познавательной деятельности, сущности физических законов природного развития.

Если такие представления нельзя охарактеризовать как прямое культурологическое мракобесие, то под определение обскурантизма они полностью подходят.

Он неустанно подчеркивает, что «...возврат к средневековью есть возврат к более высокому религиозному типу. Нам далеко еще до вершин средневековой духовной культуры. Мы живем в эпоху упадка» [там же, с. 427]. Опять-таки, неясна внутренняя логика бердяевских пророчеств: если мы далеки от высот средневековой религиозной души, то о какой ее достигнутой утонченности может идти речь? Напомним, что это был тот важный аспект, который должен был быть передан в будущее социальное состояние.

Бердяев в своей работе дает развернутую и вполне актуально звучащую критику капиталистической формы индустриального развития, верно отмечает роль и психотип русского человека, но совершенно безосновательно пытается даже не найти, а просто вообразить игрой интеллигентского, самоубеждающего воображения исторически возможные пути дальнейшей эволюции европейской цивилизации. Аспект самогипнотичности удерживает его от попыток подвергнуть ревизии свои собственные основания, выводит из-под действия отрезвляющего и взвешенного понятийного дискурса. Бердяев действует при этом абсолютно своевольно и являет рассматриваемой социально-программирующей работой не просто характерный пример именно новоевропейского автономного субъекта, которому он же и предписывает неизбежную историческую гибель, а выражает, просто-таки, его архетипический образец.

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание: (Опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев — М. : Изд-во «Книга», 1991. — 448 с.

2. Бердяев Н.А. Новое средневековье / Н.А. Бердяев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1924_21.html (дата обращения 21.03.2014).
3. Бердяев Н.А.: pro et contra. Книга 1/Сост., вступ. ст. и прим. А.А. Еремичева / Н.А. Бердяев. – СПб. : РХГИ, 1994. – 573 с. – (Русский путь, т. I).
4. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики / Гегель. – М. : Мысль, 1974. – 452 с.
5. Кондратьева Л.Н. Культура России в концепциях Н.А. Бердяева и И.А. Ильина: опыт сравнительного анализа: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филос. н. / Л.Н. Кондратьева. - Краснодар, 2002. – 18 с.

А.В. Гіжа (Донецький національний технічний університет). *Н. Бердяєв: самогіпноз інтелектуального дискурсу.*

Стаття присвячена аналізу творчості Миколи Бердяєва в контексті його першої роботи в еміграції «Нове середньовіччя». Розглядаються стилістично-сміслові особливості характерного для неї дискурсу. Показана неоднозначність і спірність затверджуваних можливостей виходу із загальноєвропейської кризи того часу, що кореняться, перш за все, в явній недостатності належного логічно коректного відпрацювання введених декларативних посилок. Затверджується вид дискурсу названий інтелектуальним. Його принципово неістинності інтенціональність поширена і в сучасній суспільній свідомості .

Ключові слова: *метафізичний переворот, істинносне мислення, аксіоматичність, квазідуховність, свавілля.*

A.V. Gizha (Donetsk National Technical University). *N. Berdyaev: self hypnosis of intellectualist discourse.*

The article is devoted to the work of N. Berdyaev in the context of his first work in immigration "The New Medieval". His philosophical and social positions express the essential side of the domestic socio-humanitarian culture, while the respective way of understanding and the discursive practice are also spread in the modern public conscience. All of this announces the topicality of Berdyaev's legacy nowadays. First of all, the main purpose is the creation of a stable tradition of an engaged and wide scale discussion of both possible answers to the challenges of the historical period and the detection of errors, made by a thinker with respect to the interpretation of the events that took place that time. First of all, in the framework of this task it is necessary to completely exclude any magnificence, glorification and formality towards Berdyaev's legacy, which generally emerge with a total change of the representations of the past.

The article considers the stylistically-semantic features which distinguish the discourse of analyzable work. It shows the ambiguity and controversy of the affirmed possibilities of the way out of the all-European crisis of that time, which primarily originate from the evident lack of the proper logically correct development of the introduced declarative premises. The predicated sort of discourse is called intellectualistic. Its features are the prevailing declarative nature, lack of concreteness of the introduced regulations, weak or even absent self-criticism, unhistoricity.

It is also necessary to mention the specific intellectualistic superficiality in the sphere far from a humanitarian's notion. This is the sphere of science and technology. Berdyaev attributes their further development to nothing less than the addiction to the sphere of "white and black magic". This isn't Berdyaev's personal mistake, but his clear philosophical expression of the prevalent form of social intellectualistic form of conception, largely existing nowadays.

Key words: *metaphysical revolution, truth thinking, axiomatic, quasi-spirituality, contrariness.*